

18+

НУКЕР АТТИЛЫ. РАСПЛАТА

Гела Бахтина

Гела Бахтина

Нукер Аттилы Расплата

«Издательские решения»

Бахтина Г.

Нукер Аттилы Расплата / Г. Бахтина — «Издательские решения»,

Заключительная книга трилогии «Нукер Аттилы» рассказывает о нашествии гуннов на Римскую империю. Главный герой этого романа — полководец вождя гуннов — Онегесий, который является его главным стратегом и советником в решающих битвах, изменивших ход истории. Это захватывающая история о мужестве, верности, дружбе и любви, которая заставит читателя переживать за героев и следить за их судьбой с неослабевающим интересом.

© Бахтина Г.

© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1	6
Накануне грозы	6
ГЛАВА 2	8
Сноровка	8
ГЛАВА 3	10
Альпы	10
ГЛАВА 4	13
Расплата	13
ГЛАВА 5	16
Стремительные события	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Нукер Аттилы Расплата

Гела Бахтина

© Гела Бахтина, 2026

ISBN 978-5-0071-1796-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

Накануне грозы

Новый, четырёхста пятьдесят второй год Онегесий встретил уже вполне здоровым человеком — болезнь, терзавшая его всю осень, наконец отступила, и силы постепенно возвращались. Великий хан Аттила, будто чувствуя, что его верный нукер нуждается в покое, старался не тревожить Онегесия обременительными поручениями и редкими вызовами в ставку. И советник решил использовать это редкое, почти драгоценное время во благо семьи — времени, которого в жизни кочевника всегда отчаянно не хватало.

В походах, среди дыма костров, ржания коней и лязга оружия, Онегесий часто замечал резные избы, созданные руками славянских зодчих. Эти величественные хоромы, словно выраставшие из самой земли, оставляли в его памяти неизгладимый след. В причудливых узорах на наличниках ему чудилась целая история народа — упорного, молчаливого, умеющего укрощать дерево и делать его тёплым, живым. Он часто рассказывал о них Оливии, стараясь передать не только очертания домов, но и то чувство покоя, которое они внушали. И каждый раз видел, как менялись глаза любимой женщины: в них загорался тихий свет, смешиваясь с тоской по чему-то утраченному, по дому, которого у неё никогда по-настоящему не было.

Оливия, хотя и прожила с мужем уже порядочно лет, так и не смогла привыкнуть к жизни кочевника. Для неё шатёр оставался шатром, а не домом, место хранения продуктов она знаками, которые супруг отлично понимал, упорно называла чуланом, а походную утварь — вещами, которым не хватает стен и порога. Иногда это вызывало у Онегесия нескрываемое раздражение: ему казалось, что она отвергает его мир, его судьбу. Но в глубине души он понимал: она просто хранила в себе память о другой жизни — о той, где утро начиналось с запаха свежего хлеба, а вечер — с тихого света лампы за окном.

Возможно, именно поэтому он захотел сделать ей необыкновенный подарок — построить в своём стане для супруги настоящую избу, такую, чтобы в ней жила тишина, которую она так ценила, и чтобы ветер не пробирался сквозь полотнища, а стучал в крепкие ставни. Благо, что среди славян, принимавших участие в походах гуннов, нашлось немало умельцев, знавших толк в рубке леса и соединении брёвен без единого гвоздя. Они с уважением говорили о «тёплом замке» в углах, о том, как важно, чтобы дерево «дышало», и Онегесий, хоть и был кочевником до мозга костей, слушал их с почти детским вниманием.

Зима в Паннонии выдалась на удивление мягкой — снег ложился тонким покрывалом и быстро таял под слабым солнцем, а ветра дули не ледяные, а скорее усталые, будто сами хотели отдохнуть. Это очень поспособствовало задумке: можно было начать подготовку к строительству родового гнёздышка, о котором он раньше лишь мечтал в короткие минуты затишья между битвами.

Дело оставалось за малым — доставить к месту постройки лес. То, что росло по берегам многочисленных речушек, пересекавших равнинные места Паннонии, не годилось: стволы были тонкими, кривыми, изъеденными сыростью и временем. Нужна была крепкая, прямая древесина, способная выдержать и ветер, и тяжесть лет. И тогда мастера вместе с небольшим отрядом гуннов отправились в предгорья Альп, где лес стоял густой, тёмный, словно хранивший в себе древнюю силу гор.

Прошёл месяц. Онегесий почти каждый день выходил на возвышенность, откуда открывался вид на дорогу, и вглядывался в даль, пытаясь различить среди тумана и редких деревьев очертания телег. В такие минуты он старался казаться спокойным, но Оливия замечала, как

напряжены его плечи и как часто он проводит ладонью по лицу, стирая невидимую пыль. Она не спрашивала — знала, что тревога мужа лучше всего лечится терпением.

И вот однажды небо затянуло низкими, чёрными тучами, предвещавшими грозу, которая, казалось, копилась в воздухе неделями. Ветер усилился, гнул сухие травы и швырял в лицо колючие песчинки. И именно под этим тяжёлым, давящим небом на дороге показались телеги. Но вместо брёвен, аккуратно уложенных и перевязанных верёвками, под мрачными тучами двигались повозки, ведомые измученными, избитыми гуннами. У многих были отрезаны языки — их рты зияли безмолвными ранами, и они могли лишь мычать или хрипеть, указывая вперёд дрожащими руками.

С собой они привезли мёртвые тела славянских мастеров. Все до единого были жестоко казнены римлянами: у всех были отрублены головы, а тела брошены на телеги, как ненужный груз. На деревянном щите, висевшем на хвосте одной из лошадей, что-то было написано кровью — неровные, размашистые буквы, в которых угадывалась угроза.

Онегесий почувствовал, как земля под ногами вдруг стала зыбкой, словно он стоял не на твёрдой почве, а на краю пропасти. Его дыхание на мгновение остановилось, а затем вернулось тяжёлым, обжигающим вдохом. Он шагнул вперёд, не замечая, как хрустит под сапогами сухая трава, и остановился перед щитом, вчитываясь в кровавые знаки.

Прибежавший на оклик толмач, заикаясь от страха и то и дело оглядываясь, будто ожидая удара из темноты, еле выдавил из себя:

— Такая участь постигнет всех варваров, решивших снова проникнуть в земли Римской империи!

Сказать, что Онегесий был взбешён, — значит не сказать ничего. В его груди вспыхнуло пламя такой силы, что ему казалось, будто сама кровь превратилась в жидкий огонь. В ярости он метался по шатру, словно разъярённый лев, круша всё, что попадалось под руку: опрокинул резной сундук с драгоценностями, разбил чашу из тонкого стекла, швырнул в угол ковёр, который Оливия так старательно вышивала долгими вечерами. Каждый его шаг отдавался глухим стуком, каждый выдох — рычанием.

Оливии с превеликим трудом удалось успокоить мужа. Она не могла кричать и спорить, пытаясь пересилить его гнев словами — она просто подошла, встала перед ним, не отводя взгляда, и положила ладони на его пылающие плечи. Её прикосновение было таким тихим и твёрдым, что буря внутри него на мгновение замерла, прислушиваясь к этому спокойствию.

— Прости, любимая, за испорченный праздник, — в сердцах воскликнул он, всё ещё дрожа от сдерживаемой ярости.

Немного остыв, он обнял её за плечи, притянул к себе, словно ища в её тепле опору, и прошептал ей на ухо, так тихо, что слова почти растворились в шуме ветра:

— Я еду к Аттиле. И пусть меня убьёт молнией Тенгри-хан, если я не смогу убедить вождя в необходимости нового похода на Рим! Пусть римляне узнают, что значит трогать тех, кто дорог мне. Пусть почувствуют, как горит земля под их сапогами.

Оливия ничего не ответила. Только крепче прижалась к нему, зная, что никакие действия сейчас не смогут удержать его — и не пытаясь этого сделать. Она просто хотела, чтобы он помнил: где бы ни бушевала буря, здесь, в их маленьком стане, его всегда будет ждать тишина. И, возможно, когда-нибудь, среди этой степи всё-таки встанет изба — с резными наличниками и тёплыми стенами, хранящими их безмерную любовь.

ГЛАВА 2

Сноровка

Весна четыреста пятьдесят второго года выдалась для Онегесия беспокойной — словно сама природа не желала дарить ни дня покоя. Тёплые ветры, пришедшие с юга, несли с собой не только запах талой земли, но и тревожное предчувствие грядущих битв. Воздух был густ от пыли, поднятой тысячами копыт, и от этого казалось, что даже небо затянуто серой пеленой — будто само небо знало, что скоро над равнинами пронесётся буря войны.

Убедив Аттилу в необходимости нового похода на Рим, Онегесий не позволил себе ни мгновения праздности. Он знал: одного слова великого хана мало, чтобы заставить союзные племена вновь встать под знамёна гуннов. После поражения на Катуланских полях вера в непобедимость Аттилы пошатнулась, а страх перед римской мощью, напротив, лишь окреп. И потому советник взялся за дело с холодной расчётливостью человека, для которого политика — не искусство, а ремесло, требующее точности и терпения.

Он лично объезжал стоянки союзных племён, появляясь то в лагере гепидов, то среди шатров ругов, то у костров скиров. В каждом месте он говорил по-разному: с одними — о славе, которая ждёт тех, кто встанет рядом с великим ханом; с другими — о добыче, которую можно будет взять в богатых римских городах; а с третьими — о мести за павших братьев. Но везде, в каждом слове, сквозила одна и та же мысль: сейчас, когда Рим ослаблен внутренними распрями, настал тот самый миг, когда можно нанести ему удар, от которого он уже не оправится.

Однако чем дальше продвигался Онегесий, тем яснее становилось: многие вожди не верят в успех. Они помнили Катуланские поля, помнили, как дрогнули ряды даже самых стойких воинов, когда римские легионы сомкнули щиты. «Великий хан силён, но удача переменчива», — шептали в шатрах, и эти шёпоты были опаснее любого открытого мятежа.

Именно тогда Онегесий вспомнил о старой обиде, которую можно было превратить в оружие. Ещё в четыреста сорок восьмом году Аттила, желая укрепить власть своего старшего сына, поставил Эллака вождём над племенами акациров в Причерноморье. Это решение, принятое в пылу политической необходимости, стало источником скрытого напряжения: ведь земли эти давно обещали сарматам — давним союзникам гуннов, которые годами доказывали свою верность в битвах. Сарматы молчали, не решаясь открыто бросить вызов великому хану, но в их молчании чувствовалась горечь обманутых ожиданий.

Онегесий решил использовать эту обиду как рычаг. Он знал: чтобы заставить союзников действовать, нужно не просто обещать им славу и добычу, а дать им повод, который будет гореть в их сердцах ярче любого костра.

В середине весны до ставки Аттилы дошли вести о гонце, задержанном на границе владений гуннов. Это был римский посланник, вёзший донесение от полководца императора к королю вестготов Торисмунду. В письме, помимо обычных дипломатических любезностей, говорилось о землях Южной Галлии, которые Рим обещал вестготам в обмен на их верность.

Посоветовавшись с Аттилой, Онегесий приказал привести к себе толмача — старого, опытного переводчика, знавшего языки почти всех племён, живших между Дунаем и Чёрным морем. В полумраке походного шатра, где свет масляной лампы ложился неровными пятнами на свитки и карты, советник тихо, но твёрдо изложил свой замысел. Толмач слушал, не перебивая, лишь изредка кивая седой головой, словно заранее зная, что от него потребуют.

По указанию Онегесия в донесение были добавлены несколько строк, искусно вплетённых в текст так, что они казались частью оригинала. В них говорилось, что римляне, стремясь

укрепить свои позиции, намерены подтолкнуть вестготов к тому, чтобы потеснить вождя остготов Валамера дальше на восток — вплотную к землям сарматов. Более того, в приписке намекалось, что сарматы, оскорблённые пренебрежением со стороны Аттилы, готовы встретить остготов не как союзников, а как врагов. И, наконец, самое главное: великий хан, ослабленный поражением на Каталунских полях, не сможет или не захочет вмешиваться в этот конфликт, оставив своих союзников один на один с новой угрозой.

Когда работа была завершена, Онегесий ещё долго сидел над письмом, внимательно перечитывая каждую строчку. Он хотел убедиться, что ни одна деталь не выдаст подделки, что каждое слово звучит так, будто его действительно написал римский полководец. Удовлетворённо кивнув, он отдал приказ: гонца следует отпустить, позволив ему продолжить путь к Торисмунду. Но прежде чем тот покинет земли гуннов, о его миссии должны узнать другие — те, чьё любопытство и подозрительность сыграют на руку замыслу.

Через надёжных людей весть о содержании письма быстро достигла лагеря Валамера. И как и предполагал Онегесий, вождь остготов воспринял эти новости как прямое оскорбление. Его гордость была задета, а в груди разгорелся гнев — не столько против римлян, сколько против тех, кто, по его мнению, собирался лишить его земель и влияния.

Не прошло и нескольких дней, как Валамер прибыл в стан к великому хану. Его походка была стремительной, а взгляд — твёрдым, как сталь. Перед шатром Аттилы он ненадолго остановился, словно собираясь с мыслями, а затем решительно шагнул внутрь.

Аттила встретил его спокойно, сидя на низком резном троне, обитом шкурами. Его лицо оставалось бесстрастным, но в глазах мелькнуло лёгкое любопытство — он знал, что визит вождя остготов не случаен.

— Великий хан, — начал Валамер, склонив голову лишь на мгновение, прежде чем вновь поднять взгляд, — я пришёл не с пустыми речами. Мне стало известно, что римляне замышляют потеснить мой народ, толкая нас к границам земель сарматов. А сарматы, как всем известно, и без того полны гнева из-за решения отдать Причерноморье сыну твоего величества. Если мы отступим, нас встретят мечами, а если останемся — римляне ударят в спину. Единственный выход — нанести удар первыми. Позволь моим воинам идти в авангарде твоего войска, когда ты поведёшь гуннов на Рим. Пусть остготы станут остриём твоего копья!

Аттила помолчал, медленно скользя взглядом по лицу Валамера, будто читая в нём не только слова, но и скрытые мысли. Затем он слегка наклонил голову и произнёс:

— Хорошо, мой друг! Вы пойдёте первыми, вместе с сарматами, которых римляне оскорбительно называли предателями вечной дружбы между нашими племенами. Они тоже рвутся в бой, дабы кровью надменных римлян доказать обратное!

Едва эти слова прозвучали, Онегесий, стоявший чуть в стороне, едва заметно улыбнулся — так, что никто, кроме самого Аттилы, не заметил этой улыбки. Великий хан едва заметно кивнул ему, признавая тонкую работу своего советника.

Так полководец убил сразу двух зайцев. Он не только вновь сплотил вокруг гуннов пошатнувшийся межплеменной союз, но и вынудил союзников на решительные действия против Рима. Теперь, когда Валамер и сарматы сами рвались в бой, никакая тень сомнения не могла поколебать их решимость. А впереди уже маячили очертания новой войны — жестокой, беспощадной и, возможно, последней в жизни многих из тех, кто сегодня с гордостью поднимал головы, веря, что именно им суждено переписать историю.

ГЛАВА 3

Альпы

Лето четыреста пятьдесят второго года пришло в Паннонию не как пора покоя, а как предвестник беды. Солнце палило так нещадно, что даже степные кони, привычные к зною, шли, опустив головы, а пыль, поднятая копытами, висела в воздухе плотной рыжей завесой, забивая лёгкие и оседая на доспехах воинов. В этих землях, где трава выгорала до белизны уже к середине июня, каждый знал: если великий хан поднял своё войско, значит, впереди не просто набег — будет большая война.

Аттила повёл орду через широкий равнинный проход в Альпах — тот самый перевал, что служил воротами из Паннонии в Италию. Для гуннов эти горы не были ни чудом природы, ни испытанием духа. Они видели в них лишь преграду, которую нужно преодолеть, чтобы добраться до того, что манило их сильнее любых красот: до богатств, копившихся в городах Римской империи веками. Золото, шёлк, вино, драгоценные камни — всё это хранилось за высокими стенами, и именно ради этого воины оставляли позади свои становища, жен и детей, отправляясь в дальний поход.

Армия гуннов двигалась, словно огромная змея, извивающаяся среди холмов и ущелий. Её голова уже вползала в перевал, а хвост ещё оставался далеко позади, теряясь в степной дымке. Десятки вёрст растянулось это войско: гунны, остготы Валамера, сарматы, акациры и другие союзные племена — все они шли под одним знаменем, хотя сердца их бились в разном ритме. Кто-то горел жаждой славы, кто-то — мести, а кто-то просто следовал за вождём, потому что иного пути не знал.

Переход через Альпы дался тяжело. Даже привычные к суровым условиям кочевники чувствовали, как меняется воздух: он становился тоньше, холоднее, и каждый шаг по каменистым тропам отнимал силы. Лошади скользили на осыпях, повозки с припасами застревали в узких местах, и порой казалось, что сами горы сопротивляются нашествию. Но Аттила не позволял себе и другим сомневаться. Его взгляд оставался твёрдым, а приказы — чёткими. Он знал: стоит дать слабину хоть на миг, и союзники, и без того не слишком уверенные в успехе, могут повернуть назад.

Первой под удар попала Аквилея — крупнейший город провинции Венетия, раскинувшийся на Адриатическом побережье. Его стены, сложенные из массивных каменных блоков, казались неприступными, а гавань, удобная для торговли и военных кораблей, делала город ещё более ценным. Для римлян Аквилея была не просто крепостью — она была символом их власти на севере Италии, оплотом, который должен был сдержать любую бурю.

Осада началась не сразу. Сначала Аттила, дав измученному переходу войску короткую передышку, приказал полководцам разведать укрепления, изучить слабые места и подготовить осадные орудия. Дни шли, и вокруг города вырастали леса из брёвен — строились тараны, баллисты и катапульты, способные метать тяжёлые камни на сотни шагов. Гунны работали с холодной методичностью, будто сами стены уже принадлежали им, оставалось лишь снять с них старую облицовку.

Внутри Аквилеи тем временем царили тревога и решимость. Римские воины, стоявшие на стенах, знали, что отступать некуда. За их спинами были не только склады с зерном и арсеналы с оружием, но и семьи горожан, ремесленники, купцы — все те, кто верил, что каменные стены и железная воля защитников смогут уберечь их от беды. Командиры укрепляли дух солдат, напоминая о славе предков и о том, что падение города станет не просто поражением, а позором, который ляжет на весь легион.

Дни складывались в недели, и осада затягивалась. Иордан, историк и философ, позже запишет, что «после долгой и усиленной осады Аттила почти ничего не смог там сделать; внутри города сопротивлялись ему сильнейшие римские воины, а его собственное войско уже роптало и стремилось уйти». И в этих словах была доля правды: среди кочевников, привыкших к быстрым набегам и стремительным победам, нарастало недовольство. Они не понимали, зачем тратить столько времени на один город, когда вокруг столько других, менее защищённых.

Но Аттила настоял на продолжении. Его упрямство было не просто проявлением воли — он понимал, что взятие Аквилеи станет сигналом для всей Италии: великий хан пришёл всерьёз и надолго. И потому, несмотря на ропот в рядах, он приказал готовиться к решающему штурму.

Ранним утром, когда первые лучи солнца едва коснулись зубцов крепостных стен, атака началась. Грохот таранов слился с криками воинов и ржанием лошадей. Камни, выпущенные из катапульт, врезались в стены, выбивая из них куски камня, словно зубы из челюсти. Римляне отвечали стрелами и горящими снарядами, сбрасывали на нападавших тяжёлые брёвна и кипящую смолу, но натиск был слишком силен.

Штурм не прекращался ни на миг. День сменялся ночью, ночь — новым днём, и всё это время грохот битвы не стихал. Осаждённые держались из последних сил, их ряды редели, запасы истощались, но они не сдавались. Каждый час стоил им десятков жизней, но каждый час они верили, что смогут продержаться ещё немного — может быть, до подхода помощи, может быть, до чуда.

К утру следующего дня восточная стена, которую особенно яростно штурмовали отряды остготов Валамера, наконец не выдержала. Под ударами таранов и от постоянных сотрясений от падающих камней в ней образовалась широкая брешь. И в этот проём, словно поток воды, хлынули тысячи всадников сарматов. Их крики сливались с лязгом оружия и топотом копыт, и ничто уже не могло остановить эту лавину.

Последнее сопротивление было сметено в считанные часы. К вечеру город охватили пожары. Пламя пожирало разграбленные дома патрициев, склады с товарами, мастерские ремесленников — всё, что делало Аквилею не просто крепостью, а живым, дышащим организмом. Дым поднимался к небу чёрными клубами, смешиваясь с пылью и пеплом, и казалось, что сама земля стонет под тяжестью этой беды.

Иордан позже напишет об исчезновении Аквилеи, говоря о ней так: «разоряют всё с такой жестокостью, что, как кажется, не оставляют от города никаких следов». Но история оказалась милосерднее летописей. Да, город был разрушен, его величие померкло, но он не исчез бесследно. Вскоре Аквилея начала возрождаться, пусть и не в прежнем блеске. А в следующем веке, после нашествия лангобардов, она угасла естественным образом, уступив место новой судьбе.

Многие её жители, не желая вновь испытывать страх перед нашествием, предпочли перебраться на острова в лагуне — туда, где море само становилось стеной, защищающей от врагов. Так родилась Венеция — город, выросший из пепла и страха, из желания найти безопасное место в мире, который становился всё более жестоким.

А в четыреста пятьдесят восьмом году епископ Аквилеи будет обсуждать с папой Львом непростой вопрос о мужчинах, вернувшихся из гуннского плена и заставших своих жён замужем за другими. Это будет тихий, почти незаметный отголосок той бури, что пронеслась над городом несколько лет назад, оставив после себя не только руины, но и сломанные судьбы, которые уже невозможно было склеить.

Историки и летописцы тех времён будут по-разному описывать эти события. Римские авторы, защищая честь своих земель не только мечом, но и пером, будут изображать гуннов как чудовищ, лишённых всякой человечности. Они будут воспевать героизм защитников Аквилеи,

превращая обычную осаду в эпос о доблести и самопожертвовании. Но правда, как это часто бывает, лежала где-то посередине.

Да, защитники сражались храбро, но их храбрость не была сверхъестественной — это была обычная человеческая стойкость, рождённая необходимостью защищать свой дом. И да, гунны были жестоки, но не более, чем сами римляне, которые на протяжении веков покоряли народы Европы и Азии, не задумываясь о цене чужой свободы. История редко бывает чёрно-белой, и Аквилея стала лишь ещё одним свидетельством того, как легко смешиваются в ней слава и позор, доблесть и жестокость, жизнь и смерть.

ГЛАВА 4

Расплата

Дым над Аквилеей не рассеивался даже к вечеру. Он стелился над руинами тяжёлыми серыми полотнищами, смешиваясь с пылью, поднятой копытами коней и сапогами воинов, и оседал горьким привкусом на губах каждого, кто ступал по этим улицам. Город, ещё недавно казавшийся неприступной твердыней, теперь напоминал израненное тело: стены зияли проломами, дома чернели обугленными проёмами окон, а на площадях лежали тела, которые никто не торопился убирать — в войске гуннов не было места милосердию.

В уничтожении Аквилеи Онегесий принимал самое непосредственное участие — и не только как советник великого хана, но и как человек, ведомый личной, жгучей обидой. Из надёжных источников он ещё до похода узнал, что в городе скрываются те самые римляне, что несколько лет назад расправились с мастеровыми славянами — людьми, которых он сам отправил сюда с поручением, обещая им защиту и покровительство. Это обещание, данное прилюдно, стало для него не просто словом, а клятвой, нарушить которую он не мог. И теперь, когда стены пали, он не собирался оставлять эту обиду без ответа.

Онегесий был человеком противоречивым: образованный, тонко чувствующий нюансы дипломатии, он умел говорить так, что даже самые упрямые вожди склоняли головы, прислушиваясь к его речам. Он искренне любил свою семью и в редкие минуты покоя мечтал лишь о том, чтобы вернуться к жене и сыну, обнять их и забыть о войнах, интригах и крови. Но в нём жила и другая сторона — мрачная, беспощадная, привыкшая считать обиду долгом, который непременно нужно взыскать. И этот долг он возвращал сполна, не прощая ни обидчиков, ни тех, кто стоял рядом с ними.

Вместе с союзниками, хлынувшими в проёмы разбитых стен, в город проследовали и сотни ищек советника великого хана — людей, специально отобранных за умение находить то, что другие старались спрятать. Они знали, как читать следы, как различать ложь в дрожании голоса, как вынюхивать правду даже там, где её, казалось, не могло быть. Эти люди лезли в каждую щель огромной крепости: спускались в подвалы, где ещё недавно хранилось вино и зерно, забирались на чердаки, заглядывали в потайные ходы, о которых знали лишь самые старые жители города. Они просматривали тысячи пленников, захваченных гуннами, изучали лица, выискивая знакомые черты, и перерывали невероятное количество трупов, валявшихся на улицах Аквилеи, чтобы убедиться: никто из виновных не ускользнул от возмездия даже в смерти.

Солнце клонилось к закату, окрашивая руины в багровые тона, когда к шатру Онегесия подошёл один из его помощников. Воин остановился у входа, тяжело дыша, будто сам воздух здесь давил на грудь, и, склонив голову, произнёс:

— Господин, мы нашли их.

Онегесий не шевельнулся. Он сидел на низком табурете, держа в руках кусок пергамента с давно выученными наизусть строками — донесением, в котором впервые говорилось о гибели мастеровых. Его пальцы слегка сжимали край бумаги, но лицо оставалось неподвижным, словно он уже заранее знал, что услышит.

— Приведите их, — тихо сказал он, и в этом спокойствии было больше угрозы, чем в любом крике.

Прошло ещё немного времени, и к шатру подвели группу римлян. Их руки были связаны за спиной, одежда изорвана, лица покрыты пылью и кровью, но в их взглядах ещё тлела искра гордости — та самая, что заставляла римских воинов держаться прямо даже перед лицом

неминуемой гибели. Они тихо переговаривались между собой, не зная, какая участь их ждёт, и потому ещё надеялись, что смогут встретить смерть достойно. Позже они будут завидовать тем своим братьям, что погибли в бою, под стенами города, с мечом в руке, а не здесь, в окружении врагов, лишённые даже права на последнее слово.

Онегесий поднялся и медленно подошёл к пленникам. Он не торопился, давая каждому мгновению растянуться, чтобы они успели прочувствовать весь ужас своего положения. Его взгляд скользил по лицам, останавливаясь на каждом, словно он пытался прочесть в них не только вину, но и воспоминания о том дне, когда они подняли руку на беззащитных мастеровых.

Наконец, он остановился напротив центуриона — того самого, чьё имя значилось в донесении как имя главного зачинщика расправы. Римлянин смотрел на гуннского полководца с пренебрежением, будто сам факт пленения не мог умалить его достоинства.

— Кто из них главный? — спросил Онегесий, не отводя взгляда от центуриона.

Из строя римлян вывели вперёд того самого военачальника. Он слегка пошатнулся, когда его толкнули вперёд, но тут же выпрямился, стараясь не показать слабости.

— Разденьте всех наголо! — приказал советник, и его голос прозвучал неожиданно спокойно, почти буднично, отчего приказ казался ещё более страшным.

Воины бросились выполнять распоряжение. Пленники пытались сопротивляться, но их силы были сломлены усталостью, голодом и ужасом. Через несколько минут они стояли перед Онегесием, дрожа от холода и страха, лишённые не только одежды, но и последней защиты — своего достоинства.

Только тогда советник подошёл ближе к центуриону. Его лицо оставалось бесстрастным, но в глазах пылал холодный огонь, который не предвещал ничего хорошего. Он остановился в шаге от римлянина и, злобно прошипев, спросил:

— Чем тебе не угодили мои люди?

Центурион усмехнулся — эта усмешка была его последним щитом, последней попыткой сохранить хоть каплю гордости.

— Так это были твои посланники? — спросил он, и, не дожидаясь ответа, добавил: — Если бы мы знали, что это ремесленники, посланные советником вождя гуннов, мы бы им отрезали ещё и руки.

Эти слова ударили Онегесия сильнее любого клинка. В них не было ни раскаяния, ни страха — только презрение к тем, кого римляне считали варварами, и уверенность в своей правоте. И именно эта уверенность, эта непоколебимая вера в собственное превосходство, заставила советника потерять последние остатки самообладания.

Он вытащил из чехла, висевшего на пояском ремне, кинжал — не парадное оружие, а простой, тяжёлый клинок, которым он пользовался в походах и на охоте. Лезвие блеснуло в угасающем свете дня, и в этот миг даже самые стойкие из пленников побледнели, понимая, что сейчас произойдёт нечто невообразимое.

Не говоря ни слова, Онегесий вонзил кинжал в бок центуриона и сделал длинный разрез, после чего, запустив туда руку, грубо вытащил из невольника селезёнку. Пленник взвыл от боли, его тело содрогнулось, и он повалился на бок, орошая землю кровью. Этот крик разорвал тишину лагеря, заставив даже опытных воинов на мгновение замереть.

Подняв над собой окровавленный орган, Онегесий громко закричал:

— Никто не уйдёт от справедливой кары! Да воздастся врагам нашим по их делам!

Затем он небрежно бросил добычу крутившимся поодаль диким собакам и, обведя взглядом своих помощников, произнёс:

— Накормите собак! Но не давайте быстро умирать римлянам. Пусть испытают такую боль, какую прежде не доводилось испытывать людям!

Его помощники бросились выполнять приказ, и вскоре окрестности шатра полководца Аттилы наполнились истошными криками умирающих. Эти звуки разносились по лагерю, проникая в самые дальние уголки, и даже закалённые в битвах воины невольно вздрагивали, слыша их. Для Онегесия же эти вопли были словно музыкой, услаждавшей его мстительный характер. В его сознании это была не жестокость, а справедливость — та самая справедливость, которую он так долго ждал и которую теперь вершил собственными руками.

До поздней ночи слышались эти крики, становясь всё слабее и слабее, пока не затихли совсем. Даже звери, привыкшие к виду крови и разрывающие добычу в клочья, на этот раз прятались в норы, с ужасом прислушиваясь к тому, что творили люди на древней земле, которую они считали обетованной. В ту ночь сама земля, казалось, стонала под тяжестью человеческой жестокости, напоминая, что есть пределы, переходить которые опасно не только для души, но и для самой истории, которая рано или поздно спросит с каждого за содеянное.

ГЛАВА 5

Стремительные события

После падения Аквилеи время словно сорвалось с цепи. Дни неслись вперёд с пугающей скоростью, и события накатывали одно за другим, как волны во время шторма — неумолимо, мощно, сметая любые попытки удержать хоть какое-то подобие порядка. Этого не ожидали ни в Риме, где сенаторы в тревоге переглядывались, не зная, кого винить в случившемся, ни даже в ставке великого хана, где привыкли к быстрым победам, но не к такому бешеному темпу завоеваний.

Онегесий, лично возглавивший передовые отряды гуннов, двигался вперёд с той холодной решимостью, которая рождалась не из слепой ярости, а из точного расчёта. За несколько недель он захватил всё левобережье реки По, словно сметая с доски фигуры противника одну за другой. Города сдавались или падали под натиском его отрядов, гарнизоны разбегались либо гибли, не успев даже осознать, что война уже пришла к их порогам. Он не тратил время на долгие осады там, где можно было взять крепость стремительным ударом, и не щадил тех, кто пытался сопротивляться.

Но у хорошо укреплённой крепости Павий он остановился. Объехав её по кругу, внимательно изучая стены, башни и подходы к ним, Онегесий понял: без помощи основного войска ему эту твердыню не взять. Крепость стояла на возвышении, её окружали глубокие рвы, а стены были сложены из массивных каменных блоков, способных выдержать даже самые мощные тараны. Ворота защищали тяжёлые решётки, а на стенах постоянно дежурили лучники и пращники. Это была не та крепость, которую можно было взять нахрапом. Здесь требовалась сила, расчёт и время — а времени у него почти не оставалось.

В начале августа четырёста пятьдесят второго года к городу подтянулась и основная часть гуннской армии. Лагерь разбили на равнине, и вскоре над степью поплыл запах дыма от костров, ржания коней и оружейной смазки — привычный, но от этого не менее тревожный запах войны. Аттила, как всегда, разбил свой походный шатёр в центре лагеря, чтобы каждый, кто приближался к ставке, чувствовал вес его власти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.